

Елена Сафронова

Миф об Уране

Когда книга Ольги Погодиной-Кузминой «Уран» только вышла из печати, одним из первых, кто приветствовал ее появление похвальным отзывом в фейсбуке, был Андрей Рубанов. Он отметил сложную жанровую конфигурацию — «микс» производственного романа с авантурным. Вскоре после того в интервью Рубанов вновь коснулся «Урана», уточнив свою мысль: «Ольга не делала производственный роман, там скорее сплетение частных историй, и это правильно. Умение описывать частную жизнь, частные рефлексии, семью, быт, секс — и есть признак мастерства».

«Уран» и впрямь шире «производственного» романа. По крайней мере, в советском понимании жанра, сформированного эталонами «Цемент» Гладкова, «Танкер "Дербент"» Крымова, «Время, вперед!» Катаева, «Журбины» Кочетова. «Производственный роман — литературное произведение, в центре повествования которого находится профессионал, решающий стоящие перед ним производственные задачи», — формулирует Википедия. Роман Погодиной-Кузминой решает задачи принципиально иные.

«Уран» смело можно называть историческим романом: он соответствует главному, хоть и самому грубому критерию этого жанра: изображает события, происшедшие более 70 лет назад. А именно — в 1953 году, «поворотном» для отечественной истории. Это год смерти Сталина, первой амнистии, освобождения множества уголовников и «бытовиков», осужденных менее чем на пять лет, из лагерей, перестройки властной

вертикали — и наращивания советского ядерного щита.

Книга «Уран» отвечает и второму признаку исторического романа — «панорамности». Роман охватывает не только и не столько трудовые будни спецкомбината по добыче и переработке атомного сырья для реализации советского ядерного проекта, в прямой речи персонажей и секретных документах называемого «хутор № 7». В книге много параллельных и пересекающихся сюжетных линий. В их переплетении просматриваются судьбы отдельных лиц — ответственного работника Арсения Гакова, директора Комбината, инженера этого предприятия Алексея Воронцова со «скелетом в шкафу», уборщицы Таисии Котёмкиной, делающей стремительную карьеру через то, чего в СССР не было, эстонского семейства Сепп, пособника «лесных братьев» — и объективные явления. Естественно, это создание советской атомной промышленности; в пандан к нему идут националистически-сепаратистские настроения населения прибалтийских республик СССР и набирающая обороты «холодная война» между СССР и США. Последнюю подкрепляют «донесения из недавно рассекреченных архивов ЦРУ», приведенные в тексте в оригиналах, подчеркивает аннотация. Документы апеллируют к доктрине Даллеса и плану Даллеса использовать смерть Сталина для того, чтобы «добиться ослабления советской власти и ее влияния на страны соцлагеря и коммунистического Китая, таким образом достигая снижения влияния советской власти на международной арене».

Чтобы уверенно ответить на вопрос о подлинности этих документов, достоверности их информации, а значит, и правдивости «исторической» части романа «Уран», нужно масштабное историческое (рас)исследование.

Ольга Погодина-Кузмина. Уран: Роман. — М.: Флюид ФриФлай, 2019. — (Книжная полка Вадима Левенталья).

Но оно не входит в мои планы: у «Урана» есть то, что важнее документальной историчности, — достоверность и убедительность литературная. Автор проводит свое представление о послевоенной истории СССР так, что с ним не хочется спорить — это цельное, законченное и художественно состоятельное произведение. Цельность «Урана» парадоксальна — повествование то и дело меняет фокальных героев и ведется разными голосами. Но множество отдельных правд персонажей сливаются в общую правду автора, которая читается с захватывающим интересом. Интерес был бы меньше, если бы автор сосредоточилась на технических и производственных вопросах — важных, но не таких эстетичных и психологичных.

Об уже упомянутой «авантюристике» романа «Уран». В 2006 году Ольга Славникова в одном из интервью обронила знаковую фразу: «Я же для себя поняла: у трэша надо брать все, что работает». Ольга Погодина-Кузмина поступила по этой заповеди: насытила роман почти «трэшевыми» сценами и провела в нем детективную интригу — первейшей задачей становится установление главного злодея. Во всех советских производственных романах был враг из какой-нибудь социально враждебной среды. Как правило, его рассекречивала и побеждала социалистическая идеология — злоумышленник выдавал себя либо «перевоспитывался». У Погодиной-Кузминой выстроена крепкая детективная линия: в окрестностях комбината находят изуродованные трупы со следами проведения зловещего ритуала. Майор Аус из «центра» расследует эти преступления и сопутствующие им «обыкновенные» смерти простых людей по логике устранения свидетелей, но не успевает докопаться до истины. На протяжении более чем половины романа детективная канва идет об руку с историческим сюжетом, и из уважения к ней я обойдусь без спойлеров.

Обращение Погодиной-Кузминой к приемам форматной прозы не упрощает повествование, не снижает его пафос, наоборот, «цепляет». Это продуманный авторский ход, рассчитанный на определенный эффект — который и сбывается. У трэша, как и у классической историко-приключенческой прозы, много действенных приемов, и часть из них писательница взяла на вооружение.

Наряду с исторической буквальностью: в романе художественно переосмыслены воспоминания жителей закрытого города Силламяэ.

Почему Ольга Погодина-Кузмина не сосредоточилась в романе на очень серьезную тему на столь же серьезных производственных, политических, экономических вопросах, отчего (или для чего?) ей понадобилось привлекать элементы остросюжетной прозы? Ответов может быть множество, одно предположение выдвинул Андрей Рубанов: сугубо профессиональные производственные романы не востребованы современным читателем, так как идея труда, созидания и их пропаганды исчезла из общественной повестки. Действительно, настроение «Урана» отнюдь не победно-созидательное; труд в нем либо подневольный, либо средство карьерного роста, либо способ мимикрии — и лишь в единичных случаях искренняя работа во благо Родины.

Читателю, чтобы полностью «врасти» в полотно погодинского текста, стоит перестроить оптику восприятия на психологию человека не сегодняшнего дня, а жителя СССР 1950-х годов. Который способен не только строить новое предприятие, пренебрегая личным дискомфортом и болезнью, — но и добровольно вести слежку за подозрительным элементом. Комсомолец Павлик ради добычи информации не брезгует имитировать любовь к девочке Эльзе, сестре «лесных братьев». Подлость? Или идейность? Пусть каждый решает самостоятельно. Недаром же авторский подзаголовок «Урана» — роман-реконструкция. Реконструкция в первую очередь психологическая.

Наконец, роман насквозь мифологичен. Он начинается с монолога «Агента U-235» «Доктрина пробуждения». Роман пронизывают несколько подобных монологов от лица этого загадочного персонажа, мучимого идеей собственной сверхчеловечности и желающего доказать ее всему миру. Того ради агент и взялся готовить диверсию на комбинате. «Мыслящий таракан, способный управлять этим миром, — вот цель моего эксперимента», — заявляет он. Что-то в этом есть от «тварь ли я дрожащая или право имею?» — отголоска мифа о погубленном гордыней ангеле. Когда умирает Сталин, U-235 уверен: он «управил» это, замазав химическим карандашом портрет вождя в газете и начертав под пятном

«Да будет смерть!» Поклонником сатанистских сект, знатоком соответствующих книг является и проходное действующее лицо (точнее, бездействующее, ибо быстро погиб) — фотограф Кудимов.

В «Уране» окликнуто множество мифов разных народов. Его заглавие — не только название элемента таблицы Менделеева, но и имя божества из античной мифологии, олицетворения Неба, породившего мир в браке с Геей (Землей) и первого правившего им. Взбунтовавшийся против Урана его сын Кронос осклопил отца серпом. Способ убийства нескольких персонажей романа — явная аллюзия на эту мифологическую историю: «Оглушили камнем, приволокли в болото, а там отрезали гениталии и воткнули в живот деревянный кол». Инженер Воронцов в бреду цитирует по-немецки стихи Райнера Марии Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес». Орфея, Эвридику и Гермеса легко найти среди героев книги — с простыми человеческими именами и глубоким символизмом в литературном образе. Некоторые главы называются мифологически: «Царь Горы» — про директора комбината Гакова, «Египетские боги» — про очередные козни агента U-235 (имеется в виду триединство Анубиса, Гарпократа, Осириса), «Богиня Иштар» — в глазах влюбленного Ауса это любвеобильная Таисия Котёмкина, чье имя означает «посвященная Исиде». Мифологичен и ход событий — не человеческая слабая воля правит миром, а забавы богов. Из божественного озорства майор Аус умирает, не успев разоблачить агента, а потом позорной смертью погибает и этот агент. В последние минуты жизни ему мерещится Медуза Горгона, в которую превращается он, незадавшийся сверхчеловек. Описание прихода войск Альфонса Ребане с «союзниками» освобождать насильственно-советскую Эстонию в устах старой крестьянки Сепп звучит как цитата из

«Апокалипсиса»: «Знай, скоро настанет день судного гнева! Огромные корабли придут в наши воды, большие войска сойдут на берег, с ними вернутся твой отец и брат... Чужакам не будет пощады! Мсть восстает из руин!» И священную историю не обошла стороной Погодина-Кузмина в мифологической подложке романа, на которой, точно земля на трех китах, стоит «Уран». Добавим и пласт советских мифов о разоблаченных шпионах и пионерах, убитых контрреволюционными близкими.

Все линии мифологического подтекста «Урана» сплетаются в единый посыл — представить сталинский период советской истории как самостоятельную мифологию со своими богами, героями, битвами и жертвоприношениями: «Мертвецы, лежавшие на поле, словно в страшной сказке, стерегли дорогу к секретному объекту, обозначенному в его путевом листе как ХУТОР № 7», — мерещится в начале книги инженеру Воронцову.

В последней главе «Конец истории» и эпилоге писательница решительно сбрасывает чужие обличья и предстает демиургом, творцом этого мифа: повествует, что случилось с оставшимися в живых героями после того, как комбинат заработал, а советский ядерный щит благополучно был создан. Позиция автора — цель оправдывает средства: «В августе 1953 года Советский Союз впервые в мире проводит испытание мощнейшей водородной бомбы. Создание этого оружия — результат огромных усилий и человеческих жертв. Но «Задача № 1» обеспечит безопасность страны на долгие десятилетия». Автор не щадит «неприятелей» советского строя, напоминая: «Миф об Уране — это история неблагодарных детей». Но победительный финал закольцовывает горькое начало и жестокое повествование, точно Уроборос. Мифология продолжается.